
Время летело незаметно. С каждым днем становилось всё холоднее, и вскоре на землю лег первый пушистый снег. Наконец наступил канун свадьбы.

Поместье хоу Юннин преобразилось: на фоне ослепительной белизны сугробов алые шелка, развешанные повсюду, и праздничные узоры на окнах казались особенно яркими. Мороз и ледяное дыхание зимы не могли охладить царившее в доме радостное оживление.

Се Нин под присмотром матушки-наставницы повторял тонкости завтрашней церемонии. Его невестка, госпожа Чжан, проверяла списки гостей, а матушка Се вместе с Бай Юем еще раз сверяла опись приданого.

После свадьбы Се Нин должен был сам распоряжаться своим имуществом, и рассудительный, степенный Бай Юй как нельзя лучше подходил на роль помощника в этих делах.

Помимо тридцати тысяч лянов серебра, выделенных из казны поместья, хоу Юннин добавил к приданому две загородных усадьбы. Старший брат, Се Бо, подарил лавку — пуцзы, а второй брат, Се Мин, — пять тысяч лянов серебра.

Что же касается самой госпожи Се, то она не поскупилась: большая часть её собственного приданого и накоплений, скопленных за долгие годы, теперь переходила к младшему сыну. Слухи не ввали — Се Нина в семье и впрямь обожали.

Бай Юй и хозяйка дома держали по копии списка. Слуги под их присмотром пересчитывали вещи, а они отмечали каждую позицию, проверяя, всё ли сходится.

Кормилица Се Нина была родом из Бэйцзяна. Когда семья Се возвращалась в столицу, она предпочла остаться с родными на Севере. Тогда госпожа приставила к сыну одну из своих пожилых служанок, что пришла вместе с ней еще из семьи Лю. Однако именно по вине этой матушки, проявившей преступную небрежность, Се Нин целый год терпел издевательства в клане Лю, пока об этом не стало известно родителям.

С тех пор юноша не выносил надзора со стороны властных наставниц и не доверял чужакам. Матушка Се, понимая это, нашла ему товарищей для игр из Бэйцзяна — Бай Юя и Хэ Хуа. Именно Бай Юй под руководством госпожи со временем научился управлять делами в покоях молодого господина.

Верный помощник был надежным и деловитым, а Хэ Хуа — живым и веселым, всегда готовым развлечь Се Нина.

В последнее время госпожа всё чаще задумывалась: не стоит ли отправить с сыном опытную матушку? Она опасалась, что двое молодых гээр просто не справятся с ведением хозяйства в новом доме.

Заметив её тревогу, матушка Лю — доверенное лицо госпожи — сама вызвалась сопровождать Се Нина.

Матушка Се колебалась:

— Но ты же знаешь Нин-гээр. Он не терпит, когда пожилые слуги указывают ему, что делать, даже если это всего лишь добрый совет.

Матушка Лю мягко улыбнулась:

— Неужели вы забыли, госпожа? Я ведь тоже из Бэйцзяна. Молодой господин не жалуется столичную прислугу, но к северянам он относится иначе. Не зря же он так доверяет Бай Юю и Хэ Хуа.

Она поступила на службу в семью Се еще в те времена, когда хоу только прибыл на Северные рубежи. Её муж пал на поле боя, детей у неё не было, и женщина так и осталась в поместье. Лишь несколько лет назад, оказавшись в столице, она начала осваивать местные манеры и этикет, и госпожа стала ценить её еще больше.

Мать Се Нина задумалась, но сомнения всё еще терзали её:

— Бай Юй и Хэ Хуа были детьми, товарищами его игр, а ты...

Слова остались несказанными, но собеседница и так всё поняла. Некоторое время в комнате стояла тишина.

В конце концов госпожа решилась поговорить с сыном. Реакция Се Нина была именно такой, какой она и ожидала: он бурно запротестовал, уверяя, что Бай Юя ему вполне достаточно и никакие надзиратели не нужны.

Тогда матушка Лю сама подошла к нему и напомнила о своем происхождении. Юноша, вспомнив, что она и впрямь северянка, немного смягчился. После того горького урока в детстве он питал стойкую неприязнь к столичной знати и их слугам, считая их всех слишком хитрыми и коварными.

Поддавшись уговорам матери, Се Нин в итоге согласился взять матушку Лю с собой в дом Лу. Условились на том, что она не будет вмешиваться в его повседневную жизнь, а лишь станет давать советы, если возникнет нужда.

Таким образом, управление приданым по-прежнему оставалось в руках Бай Юя.

Закончив проверку и убедившись, что всё в порядке, матушка Се велела Бай Юю спрятать список. Обычно такие документы составлялись в трех экземплярах: один оставался в семье гээр, второй передавался стороне жениха во время проводов, а третий хранился у самого вступающего в брак. Это делалось для того, чтобы муж не мог посягнуть на личное имущество супруга, и чтобы в случае чего всегда можно было доказать свои права.

Передав бумаги помощнику сына, госпожа серьезно произнесла:

— Нин-гээр всегда был беспечным. Лу Чуань сейчас кажется достойным человеком, но кто знает, каким он станет в будущем. Прошу тебя, приглядывай за приданым получше.

Бай Юй почтительно поклонился:

— Не беспокойтесь, госпожа. Я сберегу всё, что принадлежит молодому господину.

Матушка Се удовлетворенно кивнула:

— Ты всегда был рассудительным, на тебя я могу положиться. Серебро — дело наживное, но поместья и лавки нужно беречь во что бы то ни стало.

В столице каждый стремился заполучить пущы в хорошем месте. Сама она за десятилетия ведения дел сумела приобрести лишь три-четыре, и две из них теперь отдавала сыну. Да и земли вокруг столицы ценились на вес золота — если продашь, потом ни за какие деньги не выкупишь.

Наличного серебра Се Нину выделили не так уж много, зато недвижимости было в достатке. Даже если он не захочет вникать в торговлю, доходов от аренды ему с лихвой хватит на безбедную жизнь.

Закончив с делами, матушка Се и Бай Юй отправились навестить Се Нина. Юноша к тому времени уже совсем измучился под надзором строгой наставницы.

Едва увидев мать, он тут же взмолился о передышке, желая поговорить с ней. Наставница, решив, что у госпожи есть важное дело к сыну, позволила ему отдохнуть и вышла из комнаты.

Се Нин немедленно прижался к матери, обняв её за руку:

— Матушка, этот этикет такой утомительный! Я так устал...

Зная, что завтра сын покинет родительский дом, госпожа была сегодня необычайно ласкова. Она погладила его по голове и мягко проговорила:

— Ну, отдохни немного. Завтра выйдешь замуж, и учиться больше не придется.

Се Нин даже вздрогнул от такой нежности. Мать была столь мягкой лишь в первый год после их возвращения в столицу, а потом снова стала такой же строгой, как на Севере.

Он выпрямился и с преувеличенно серьезным видом произнес:

— Нет-нет, я продолжу упражняться.

Матушка Се удержала его за руку, и голос её дрогнул:

— Сердце болит при мысли, что завтра ты уедешь от нас.

Решимость Се Нина мгновенно растаяла. Всё это время он был так занят учебой и сборами, что у него не оставалось времени на грустные мысли. Но сейчас, когда матушка заговорила об этом, вся его тревога и печаль вырвались наружу.

В уголках его глаз заблестели слезы, но он постарался утешить её:

— Не грусти, матушка. Дом, что входит в мое приданое, всего в квартале отсюда. Я буду прибегать к тебе каждый день!

Матушка Се легонько шлепнула его по плечу, хотя глаза её тоже повлажнели:

— Глупое дитя! Где это видано, чтобы замужние гээр каждый день в родительский дом бегали?

Се Нин упрямо вскинул подбородок:

— А мне всё равно! Лу Чуань всё равно будет целыми днями пропадать за книгами, а я дома один — куда захочу, туда и пойду!

— Радуйся, что у тебя не будет свекрови, — вздохнула матушка Се. — Иначе сидел бы ты в четырех стенах под её строгим надзором.

При мысли об этом она в очередной раз подумала, что расторжение помолвки с Лянь Инцзе было к лучшему. С характером Се Нина, который больше всего на свете не любил ограничений, жизнь в доме Лянь превратилась бы в череду бесконечных ссор.

Пусть у нынешнего зятя нет родителей и поддержки старших, зато Се Нин в своем доме станет полноправным хозяином. Матушка Се сама через это прошла в первые годы замужества, и лишь отъезд в Бэйцзян избавил её от этой участи. Она знала, как непросто ужиться двум людям под одной крышей, и была рада, что её Нин-гээр избежит этой доли.

— Я бы и так не позволил никому себя обижать, — возразил Се Нин. — И всё равно буду приходить к тебе каждый день.

— Да брось ты, — притворно возмутилась матушка Се. — Ты, живя в поместье, не каждый день ко мне с поклоном заходил, а теперь-то и подавно. Лучше уж я лишнюю чашку риса съем, чем буду ждать твоих ежедневных визитов.

Се Нин лишь смущенно улыбнулся — в глубине души он понимал, что мать права.

Деревня Хуаси

Пока мать и сын вели доверительную беседу, Лу Чуань в деревне Хуаси тоже вовсю готовился к торжеству.

Здесь, конечно, не было столичного блеска и роскоши, но суеты хватало. Из близких людей у него были только учитель Цинь и староста деревни. Учитель должен был прибыть завтра, к самому началу пира.

Лу Чуань понимал, что свадьба с гээр из такого знатного дома не может быть скромной. К тому же односельчане всегда относились к нему по-доброму — даже когда он остался сиротой в пятнадцать лет, никто не пытался его обидеть или посягнуть на имущество семьи Лу. Пусть юноша и подозревал, что в основе этого лежало уважение к его званию сюэца, доброта людей была неоспорима.

Он решил пригласить на свадебный пир всю деревню, при этом особо оговорив, что подарков приносить не нужно.

Жители были в восторге. Прежде Ученый Лу держался особняком, а теперь сам звал их разделить свою радость. Несмотря на снегопад, люди охотно шли к его дому — кто помочь с уборкой, кто просто обсудить грядущее событие.

Староста деревни командовал расчисткой снега. На главном тракте, ведущем к столице, порядок наводили власти, чтобы курьеры могли беспрепятственно доставлять вести, но дорогу от деревни до тракта жителям приходилось чистить самим. Обычно они ждали, пока снег растает сам собой, но завтра Лу Чуань должен был везти в дом супруга из поместья хоу Юннин — да еще какого! — и все хотели выслужиться перед будущим важным чиновником.

Мужчины споро работали лопатами, женщины и гээр суетились в доме, помогая с готовкой и украшением, и радостное возбуждение было сильнее холода.

Сваха Ван тоже была здесь: она неустанно давала Лу Чуаню наставления, разъясняя каждую мелочь свадебного обряда.

Юноша невольно подумал, что в любые времена женитьба — дело крайне утомительное. Когда-то, еще в прошлой жизни, он был «дружкой» на свадьбе однокурсника и так набегался, что под конец едва держался на ногах. Тогда он даже порадовался, что ему, как гею, не придется проходить через нечто подобное.

Оказалось, древние обряды куда сложнее современных, но благодаря помощи односельчан и распорядительности Свахи Ван нагрузка казалась вполне терпимой.

Сваха Ван подошла к нему, обводя взглядом двор:

— Ученый Лу, в доме чистота, праздничные ленты развешаны, здесь порядок. Но остался один важный вопрос...

Она на мгновение замялась, прежде чем продолжить:

— Я знаю, что в вашей деревне лошадей нет. Но в столице знатному человеку не пристало являться за суженым пешком или в простой телеге — нужно быть верхом, это самое малое проявление уважения. Я сегодня велела привести коня... Скажите честно, вы в седле-то держаться умеете?

Лу Чуань мысленно усмехнулся. Еще в студенческие годы он с друзьями ездил во Внутреннюю Монголию, где местные жители научили его ездить верхом. Пусть он и не был великим наездником, но уверенно держаться в седле при неспешной езде вполне мог.

— Умею, — спокойно ответил он.

Сваха облегченно выдохнула. Она должна была уточнить это намного раньше, но в суете последних дней совсем забыла. Лишь утром, увидев на улице всадника, женщина спохватилась: на чем же поедет жених?

Она тут же велела кучеру разворачиваться и гнать к самой большой конюшне, где арендовала статного и видного, но при этом смиренного коня. К счастью, Лу Чуань оказался не из робкого десятка, и учить его с нуля не придется.

В Великой Ань лошади были редкостью, и даже в богатых столичных домах их было немного. Поэтому аренда коня для свадьбы была делом привычным и ничуть не зазорным.

Лу Чуань, понимая, что давно не практиковался, вывел коня на расчищенную деревенскую дорогу и сделал несколько кругов, чтобы привыкнуть к животному и убедиться, что завтра всё пройдет без сучка и задоринки.

<http://bllate.org/book/15313/1354401>